

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
17 (80)

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
В ДРЕВНОСТИ
и
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1967

ИСТОРИЯ НИСИБИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Источники по истории сирийской школы

Высшая сирийская школа — это средневековый университет, каким его знали и Византия, и латинский Запад. В истоках своих эти высшие школы восходят к античной, греческой традиции, в них преобразованной и обновленной. Сирийские школы постоянно упоминаются у средневековых писателей, не только сирийских, но и греческих, они славились как центры просвещения и образованности. Школы высшего типа имели особенно существенное значение, их основной задачей являлись чтение и толкование писания, способствовавшие утверждению и распространению догматических взглядов, философского направления, которого придерживались сирийцы. Если экзегеза, гомилетика, литургика и были главными предметами изучения в этих клерикальных школах, то там было высоко поставлено и изучение философии, в некоторой степени и других светских наук. Раннее средневековье (V—VI—VII вв.) было временем расцвета школ, но и в последующие века (до XII в.) они продолжали существовать, оставались центрами образованности. Замечательно, что для этого времени сохранились сведения о рассадниках просвещения на самой восточной окраине распространения христианства, в Междуречье. Источники сообщают как об образовательных школах, так и об академиях, центрах освоения высших знаний.

О школах упоминают очень многие сочинения сирийцев, как жития иерархов, истории монастырей, биографии, хроники, местные истории, такие сочинения, как рассказы Фомы Маргского и „Книга целомудрия“ Ишоденаха. Особый интерес представляет одна из ранних средневековых клерикальных школ — академия в Нисибии, о которой сохранились достаточно подробные сведения в документах и сообщениях современников. Об этой академии известно не только из нарративных источников, сохранился также ее устав, правила, которыми руководствовались в управлении школой и устанавливали нормы поведения учащихся и учащихся. Все вместе они составляли некую организацию, „собрание“ (*судия*), возглавляемое ректором и экономом, выполнявшим хозяйственные обязанности и общий надзор в школе.¹ Замечательным памятником сирийской образованности являются „Правила Нисибийской академии“,

¹ Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, Нисибийская академия, стр. 338—349; N. Pigulevskaya. Les villes de l'Etat Iranien aux epoques Parthe et Sassanides. Paris, 1963, pp. 244—251.

ее „статуты“ — древнейший устав средневекового университета. В старом споре о культуре Востока и Запада этот памятник все еще не занял подобающего ему места, хотя он свидетельствует о стройной организации высшей школы на заре средневековья. Сирийцы сохранили конкретные правила поведения школяров, сведения об условиях их жизни, общем устройстве. Определяя внутренний распорядок школы, „Правила“ носят нормативный характер, как всякий юридический документ, и вскрывают главным образом отрицательные черты, все же позволяя воссоздать живое представление о повседневном течении жизни академии, ее обычаях и нравах. Достоинством этого устава является то, что он датирован, более того, указано время и обстоятельства составления первой и второй серий „Правил“, имена лиц, участвовавших в их составлении, и, наконец, то, что они были засвидетельствованы подписями с приложением печатей епископа города, ректора и учителей академии. Выработанный тщательным устав был принят „собранием школы“, т. е. ее коллективом. „Статуты“ являются нормативным юридическим установлением, которое особенно драгоценно историку. В сочетании с повествовательными источниками эти документы V—VII вв. дают возможность создать представление о деятельности ряда лиц, жизни самой школы и общей политической обстановке.

Предисловие, введение ко второй серии правил и послесловие содержат сведения о том, кем и при каких обстоятельствах статуты были составлены, возобновлены, дополнены и приняты „собранием школы“.

В сирийских исторических памятниках выражение „школа“ (ܟܠܝܬܐ) в ряде случаев заменено выражением „собрание“ (ܟܝܘܢܐ) или еще подробнее — „собрание школы“. Нам удалось проследить, что это отнюдь не случайное явление. „Школа“ и „собрание“, или „собрание школы“, указывают на различную по своей организации, составу и устройству учебные и ученые центры. Выражение „школа“ имеет общее широкое значение и частное — школа с некоторым количеством учеников, начальная школа при храме или монастыре. „Собрание“ (ܟܝܘܢܐ) предполагает некую организацию, коллектив, конгрегацию, которую составляли учащиеся и профессора школы, достаточно многочисленной. Известно, что в Эдессе, Нисибии число школяров достигало нескольких сот человек. Такое „собрание“, как всякая организация, требовало установления правил, было необходимо фиксировать нормы, которыми руководились по традиции и должны были руководиться и в будущем.

Первые статуты были записаны при епископе Барсауме (ум. 496 г.), но они не сохранились.² На основе этих статутов были установлены так называемые „старые“ статуты из 22 глав, найденные в школе. Они были составлены учителями Нарсаем и Ионой по просьбе всего собрания школы, обращенной к епископу Нисибии Осии, и приняты 21 числа месяца Тиши первого в год 808-й греков и 9-й год шаханшаха Кавада, т. е. 21 октября 496 г. н. э.³

Эти статуты, или каноны, были подтверждены при епископе Нисибии Павле, когда экзегетом школы был Авраам, а чтецом и дьяконом — некий Нарсай в правление шаханшаха Хосрова I. Об этом сообщает запись мар Нарсая и епископа Осии,⁴ сохранившаяся в тексте после канонов.

² Gli Statuti della scuola di Nisibi, ed. I. Guidi. Giornale della Societa Asia-tica Italiana, v. 4, Roma, 1890, pp. 165—195, p. 172.

³ Там же, стр. 171—172.

⁴ Там же, стр. 188.

Затем следует вторая серия статутот — „Другие каноны той же школы“, которые были составлены в 12-й год шаханшаха Хормизда (590 г. н. э.), при епископе и митрополите Сิเมоне, священниках Хенане и Хенанишо.⁵

Каноны были подтверждены епископом и митрополитом Ахадабуи, учителем и священником Хенаной, их собственноручными подписями и печатами в 13-м году шаханшаха Хосрова.⁶ Имеется в виду шаханшах Хосров II, следовательно, 602 г. н. э.⁷ Таким образом, дошедшие до нас каноны Нисибийской академии действовали на протяжении двух веков по крайней мере. О их значении говорит уже то, что они были включены в рукопись сборника постановлений сирийских несторианских соборов.

Такой памятник, как устав Нисибийской академии, представляет, конечно, выдающийся интерес, а главное он является надежным, так как в нем имеется несколько дат, не вызывающих сомнения. Попытка критически подойти к источникам по истории Нисибийской академии была сделана Германом,^{7а} который использовал предшествующие работы Шабо и Минганы. Существенного эта статья в эти вопросы не вносит, тем более что в ряде случаев автор ссылается на сведения Хроники Арбелы, которая была подвергнута ответственной критике.^{7б} Сравнение текста трактата об Основании школ и Истории церкви Бархадбешаббы привели его к выводу, что История была источником трактата, но никакой попытки поставить вопрос о том, тот ли это автор в обоих случаях или эти источники написаны разными лицами. В тесной связи между собою стоят два других источника, содержащих сведения по истории школы в Нисии, они дополняют данные устава и дают возможность установить новые факты. Трудность в использовании этих источников заключается в том, что они оба дошли до нас под именем Бархадбешаббы из Халвана,⁸ материал их местами совпадает дословно, но характеристика отдельных лиц, оценка дается прямо противоположная. В одном случае автор назван Бархадбешабба Арабайа епископ Халвана, в другом он назван священником и „главой надзирателей“ святой школы города Нисибина“. Это наименование ему дано в заголовке „Истории“, в последних двух главах которой находятся составленные им биографии двух ректоров школы — Нарсая и Авраама. В трактате „О причине основания школ“ автор назван епископом Халвана, в качестве которого он подписался и в 605 г. под деяниями собора Григория I.¹⁰ В обоих дошедших до нас сочинениях он ученый, осведомленный, знающий, хорошо знакомый с историей и жизнью Нисибийской академии. Вполне возможным является предположение, что Бархадбешабба учился в ней, занял положение старшего учителя, „раб бадук“, а затем был руко-

⁵ Там же, стр. 188—189.

⁶ Там же, стр. 169, 195.

⁷ E. Nestle. Die Statuten der Schule von Nisibis aus d. J. 496 und 590. Zeitschrift für Kirchengeschichte, Bd. 18, Gotha, 1898, SS. 211, 229.

^{7а} T. Hermann. Die Schule von Nisibis vom 5 bis 7 Jahrhundert. Ihre Quellen und ihre Geschichte. Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft, 25, 1926, pp. 89—122.

^{7б} Fiey. L'apport de Mgr. Addai Scher à l'hagiographie orientale. Analecta bollandiana, 83, f. 1—2, pp. 146—147.

⁸ Barhadbešabba Arabaya, évêque de Halwan. Cause de la fondation des écoles. Ed. Addai Scher. Patrologia Orientalis, 4, Paris, 1908, pp. 319—404; Barhadbešabba Arabaya. La seconde partie de l'Histoire. Ed. F. Nau. Patrologia Orientalis, 9, Paris, 1913, pp. 493—675.

⁹ ܪܒܒܐܘܬܐ ܕܒܕܘܟܐ (riš baduka) переводят по-разному: так, Scher считает их „философами“, Nau переводит как „surveillants“ — это учителя школы, которые ведут в ней преподавание, как окончившие ее, они имеют звание бадук.

¹⁰ Synodicon Orientale. Ed. J.-B. Chabot, Paris, 1902, p. 479.

положен епископом Халвана, подобный путь проходили и другие воспитанники этой школы.

Трактат „Причина основания школ, что составил мар Бархадбешабба Арабайя, епископ Халвана“ отчетливо распадается на две части. Первая часть, теоретическая, говорит о поучениях, которые были даны Творцом невидимому миру ангелов и человеку — поучения Христа своим ученикам и последователям. В этой же части дан философский анализ познания мира, причем термины сирийские находятся в непосредственной связи с греческой философией. Главным качеством человека является „разум словесный и просвещенный“ ($\kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$), так как наше слово отвечает этому разуму, тому, что есть в нас, то возможно и его понимание. У разума есть качества, среди которых названы способность различать, понимать, мыслить, а также страсть, гнев, воля. Но „разум над всеми нами“ ($\kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\text{ } \delta\epsilon\text{ } \pi\alpha\upsilon\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$) и как „мудрый возница“ ($\kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\text{ } \text{---}\text{ } \eta\psi\iota\sigma\omicron\chi\omicron\sigma\omicron\upsilon\sigma$), и „способный кормчий“ ($\kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\text{ } \text{---}\text{ } \chi\upsilon\beta\epsilon\rho\nu\eta\tau\eta\varsigma$), именно разум воздействует и выявляет следуемое.¹¹ Все, что заключается в науке ($\kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$), может быть рассмотрено или разделено на две части — „знание и действие“ ($\kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\text{ } \kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$), т. е. на теорию и практику.¹² Знание необходимо для различения добра и зла, правды и лжи, тогда как действия, практика, обуславливают выполнение добрых дел. „Этой замечательной способностью рассуждения разум рисует величественную картину истинного знания“ — $\text{---}\text{ } \eta\sigma\tau\iota\text{ } \kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\text{ } \text{---}\text{ } \delta\epsilon\text{ } \epsilon\text{---}\text{ } \alpha\iota\sigma\iota\sigma\tau\iota\text{---}\text{ } \delta\epsilon\text{ } \kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$

$\kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\text{ } \text{---}\text{ } \eta\sigma\tau\iota\text{ } \kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\text{ } \text{---}\text{ } \delta\epsilon\text{ } \epsilon\text{---}\text{ } \alpha\iota\sigma\iota\sigma\tau\iota\text{---}\text{ } \delta\epsilon\text{ } \kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$ Далее автор переходит к истолкованию грехопадения человека и рассматривает историю израильского народа как передачу традиций, поучений, которые происходили в школах.¹³ В трактате понятие школы приобретает двойной характер. Как передача известных правил, наставлений, в этом смысле говорится о „школе Ноя“, „школе Авраама“.¹⁴ Поучения в этих школах, как и в школе Моисея, были даны „самим Господом“. „Великую школу совершенной философии“ основал Моисей для „сынов Израиля“, главой которой ему было приказано быть. „И он вел эту школу в течение сорока лет в пустыне Хорив (Хорев)“, причем наказывал тех, кто противился его учению. Преемственно эта „школа“ продолжала существовать и далее. Школу создал и „премудрый Соломон“,¹⁵ точно так же как и „прочие пророки“.¹⁶ Все эти „школы“ были в сущности лишь передачей известных традиций.

Но затем трактат переходит к перечислению „собраний“ ($\kappa\lambda\epsilon\iota\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon$), которые и составляли собственно школы, „собрание школы“, учеников, которые собирались для занятий.¹⁷ Первым таким „собранием“ названа академия Платона, о которой „говорят“, что в ней было более тысячи учеников, в том числе сам Аристотель, который был его преемником. В Александрии „собрание“ было образовано Эпикуром и Демокритом,

¹¹ Историческая часть трактата была впервые напечатана: Narsai doctoris syri Homiliae et carmina, ed. Mingana, v. I, Mausilii, 1905, p. 32; Barhadbešabba Ara-ba y a. Cause de la fondation des écoles, pp. 327, 341.

¹² Там же, стр. 342.

¹³ Там же, стр. 344.

¹⁴ Там же, стр. 345.

¹⁵ Там же, стр. 360.

¹⁶ Там же, стр. 362.

¹⁷ Там же, стр. 363.

но их учение, как и Пифагора, было языческим, они смешивали истину с заблуждениями.¹⁸ Трактат упоминает также о „физиках“ (ϕυσικὰ) и их учении об атомах и считает, что Пифагор допустил много заблуждений в учении о едином божестве. В Персии „собрание школы“ (κλῆροκτ κλῆρα) создал маг Зарадушт. Сообщив об отдельных чертах его учения, трактат завершает их словами: „Таковы собрания, устроенные сынами заблуждения“.

С пришествием Христа, „светлого разума и великого учителя“, была „обновлена первоначальная школа его Отца“, в ней учителем писания (κλῆροκτ κλῆρα) был Иоанн Креститель, а управителем, майордомом — апостол Петр.¹⁹ Учить Христос начал тридцати лет, поучал учеников, народ, после него продолжали учить апостолы и особенно Павел. После смерти апостолов трактат переходит к тому, „как начали быть школы“, т. е. собственно образовательные, и „в какое время начали толковать писания“, а также сообщает об „этой нашей“ школе. Знаменита была Александрийская школа, в которой процветали философия и экзегеза.²⁰ В ней „к чтению писаний“ как некое украшение было присоединено толкование. Руководил этой школой и ее экзегетом был „Филон иудей“, который стал толковать Библию аллегорически (ἀλληγορικὰ), совершенно устранив историю (ἀπὸ τῆς ἱστορίας ἀλλοτρίως ἐρμηνεύειν). Эти ученые увлекались „пустяками“ (κεκοίται), а не „истинным учением“, и спустя немного времени „Та школа философов пропала, и усилилась эта новая“.²¹ Таким образом, философская языческая школа нашла известное признание у сирийцев, тогда как к Филону отношение явно отрицательное. В известной мере трактат связывает арианство с этими традициями, так как „нечестивый Арий“ учил в Александрии, толковал писания и, впав в соблазн гордости, стал проповедовать ересь, что „Сын создание“.²² Никейский собор 325 г. осудил арианство и все предшествующие ереси, а затем епископы основали школы: Евстафий — в Антиохии, Иаков — в Нисии, Александр — в Александрии, где экзегетом стал Афанасий Великий.²³

Экзегетом своей школы Иаков поставил мар Афрема — Ефрема Сирина, который преподавал там 38 лет. Когда Нисибия „была отдана персам“ в 363 г., он переселился в Эдессу († 373 г.), где его школа процветала, к нему собралось много учеников, в том числе Нарсай, Барсаума, в будущем епископ Нисии, Ма'на, в будущем епископ Ревардашира.²⁴

Центральное место в трактате занимает Феодор Мопсуестский — его толкования писаний и отношение к ним. Бархадбешабба подчеркивает связь Феодора с антиохийской традицией, школой, основанной Диодором, которую прошли также Василий Великий, Иоанн Златоуст, Евагрий Понтийский. До времени „великого экзегета“ не было должного комментария; он же дал его ко всем книгам Библии и, что автор считает существенным, составил также „ответы“ относительно всех ересей.²⁵ В Эдессе его комментарии были приняты, более того, „глава и экзегет школы“, „светоч“ Киора сожалел лишь об одном, что они „не были

¹⁸ Там же, стр. 365.

¹⁹ Там же, стр. 367—368.

²⁰ Там же, стр. 375.

²¹ Там же, стр. 375.

²² Там же, стр. 376.

²³ Там же, стр. 377.

²⁴ Barhadbešabba Ar a b a y a. Cause de la fondation des écoles, pp. 377, 381—382.

²⁵ Там же, стр. 378.

переведены на сирийский язык“, и он это осуществил.²⁶ Епископ эдесский Раввула (435 г.) был расположен к Феодору Мопсуестскому, но на соборе, когда Раввула стал оправдываться в том, что он наказывал клириков (он их бил), Феодор дал ему отповедь „от писания“. После смерти „вселенского толкователя“ Раввула велел сжечь его сочинения, избежали этой участи лишь непереведенные с греческого толкования на евангелие Иоанна и Экклезиаста.²⁷ Наряду с этим Бархадбешабба сообщает, что существовали „традиции школы“ (ܒܪܗܘܠܐ ܕܩܘܪܕܝܘܨܐ), которые передавались „из уст в ухо“, эти толкования исходили от мар Афрема, „о которых говорят, что они приняты от самого апостола Аддая, их запечатлел потом в своих проповедях и прочих сочинениях мар Нарсай“.²⁸ „Когда было переведено толкование Феодора на сирийский и затем было передано собранию Эдессы, тогда отдохнул этот муж (Киора) со всем собранием братства“. У Киоры было много учеников, и они „все приняли от него толкование божественных писаний и их предания; он также читал и толковал по книгам экзегета“.²⁹ Таким образом, Киора с целой группой учеников перевел на сирийский язык с греческого толкования Феодора Мопсуестского, сам же он пользовался как этими толкованиями, так и „преданием“, существовавшим и раньше „устным учением“ (т. е. традициями), оно передавалось от учителей ученикам. По общему желанию Киору после смерти сменил мар Нарсай, о роли которого в Эдесской и Нисибийской школах еще придется говорить. Во всяком случае трактат считает, что Нарсай в Нисибии сменил Елисей бар Косбайе, он был ректором семь лет и скончался в преклонном возрасте. Елисей сменил Авраам, родственник мар Нарсай,³⁰ которому помогал Иоанн из той же семьи. Следующим нес эти обязанности Ишояб (569—571), избранный затем епископом Арзуна, а в 581 г. — патриархом несториан († 596 г.). После Ишояба экзегетом школы в течение одного года был Авраам Нисибийский, бар Кардаха, а затем „его степень“ (ܡܪܝܬܐ) получил Хенана Адиабенский, ставший в полном смысле слова яблоком раздора для сирийцев.

Трактат отзывается в лестных выражениях о Хенане, говорит о его смиренности, скромности, об исключительных его знаниях и способности учить. У него было „великое сокровище души“, „ему было недостаточно только словом передать нам толкование, но и в писаниях он желал запечатлеть нам свои мысли и мнения“.³¹ Бархадбешабба принадлежал, конечно, к числу учеников Хенаны и писал, когда он был жив: „Мы все молим о продлении его жизни“, потому что он „приправлял“ „изящным словом философов“ свои замечательные толкования. Его труды распространены повсеместно, по ним учатся и там, где его нет. Через его учеников распространяется его слава.³² В трактате нет указаний на то, что деятельность Хенаны вызвала споры и неудовольствия, что он был осужден на соборе 585 г. за свою близость православию. Единственный намек в трактате на то, что его жизнь не шла гладко, имеется в словах об искушениях, волнениях и испытаниях.³³ Нам представляется, что это намек на нападки, которые были на него сделаны в Нисибии, но которые он сумел отвести. Несмотря на эти обвинения, он стал рек-

²⁶ Там же, стр. 382—383.

²⁷ Там же, стр. 381.

²⁸ Там же, стр. 382.

²⁹ Там же, стр. 383.

³⁰ Там же, стр. 383, 387.

³¹ Там же, стр. 391.

³² Там же, стр. 392.

³³ Там же, стр. 390.

тором академии (572 г.), и эти строки писались до собора 585 г., со- званного Ишоюбом I (582—595 гг.). Тяжелые упреки, выдвинутые про- тив него на соборе каталикоса Григория Кашкарского (605—608/9 гг.), имели место позднее.³⁴

Последняя часть трактата посвящена жизни школы. „Такова вкратце причина собраний, — пишет автор. — Установлена и определена сессия в два срока — летом и зимой, не без основания. Но так как человек состоит из души и тела, которые не могут пребывать одна без другой, повтому установили отцы, так как мы заботимся о пище духовной, отде- лить нам время и для работы, для пищи телесной“.³⁵ Летней сессии предшествует жатва, т. е. до этой сессии собирают хлеб, а зимней сес- сии предшествует сбор фиг и слив, важнейших сельскохозяйственных культур на Востоке. Но не забывает он прибавить, что телесный труд должен быть подчинен духовному и необходимо любить труд. Следуют также советы об общем поведении школяра, которое должно быть до- стойным и примерным. Подобным вопросам посвящено несколько более мелких замечаний.

Таковы основное содержание и оценки „Трактата об основании школ“ Бархадбешаббы. Между тем другое сочинение, приписываемое тому же автору, находится в явном с ним противоречии.

Под именем „Бархадбешаббы, священника, главы учителей (ܐܘܘܢܝܢܐ) святой школы города Нисибии“ дошло сочинение, названное „История святых отцов, которые были преследуемы за правду“.³⁶ В конце рукописи ее название дается несколько иначе: „Окончено написание историй свя- тых отцов, которые собрал мар Бархадбешабба Арабая, священник и экзегет (ܐܘܘܢܝܢܐ)“.³⁷ Считать, что „Трактат о школах“ и „История“ принадлежат одному и тому же лицу, по мнению некоторых исследовате- лей, несколько затруднительно ввиду того, что в них имеются противо- речащие друг другу данные; однако имеются основания, позволяющие приписывать оба сочинения одному автору. Во введении к „Истории“, названное им „предупреждением“, Бархадбешабба говорит: „Многое удерживало меня решить собрать истории святых отцов и показать различных их клеветников, во-первых, незнание, во-вторых, молодость, в-третьих, неподготовленность (ܐܘܘܢܝܢܐ ܐܘܘܢܝܢܐ), но более всего из-за тяжелых вре- мен, которые постоянно волнуют разум, колеблют и удаляют его от познания“.³⁸ Судя по этим словам, „История“ была написана в молодости автора, когда он только начинал свою деятельность. О том, что он пользовался письменными источниками, он говорит сам, что „если на- ходил одно слово в писаниях других“, которое свидетельствовало бы „об успехе отцов“, он его вносил в свой труд.³⁹ Издатель текста назы- вает его источники: „Церковная история“ Сократа, „Книга Гераклита“ Нестория, другой труд Нестория, цитируемый как „История“, и несо- хранившийся сборник документов, относящихся к Ефесскому собору.

³⁴ Chronicum anonymum. C. S. C. O. Script. syri, Series, 3, t. 4, p. 17— Н. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника. Зап. Инст. востоковедения АН СССР, т. VII, 1939, стр. 65.

³⁵ Barhadbešabba Arabaya. Cause de la fondation des écoles, p. 393.

³⁶ La seconde partie de l'histoire de Barhadbešabba Arabaia. Texte syriaque édité et traduit par F. Nau. Patrologia Orientalis, t. 9, Paris, 1913, pp. 493—631; p. 495.

³⁷ Там же, стр. 631.

³⁸ Там же, стр. 496.

³⁹ Там же, стр. 496.

Главы об учителях Нарсае и Аврааме основаны на устном предании о них, которое было живой традицией Нисибийской академии.⁴⁰

В „Истории“ имеется ряд несообразностей фактического характера, как и противоречия в оценках, данных в разных местах деятелям Нисибии. Достоверность фактов, сообщаемых трактатом, подтверждается другими источниками, тогда как данные „Истории“ неверны. Так, в „Истории“ экзегетом школы в Эдессе назван в качестве предшественника Нарсаея Раввула. Между тем Раввула был епископом Эдессы в 412—435 гг. Ошибочно „История“ считает епископом Эдессы Киору,⁴¹ бывшего на самом деле предшественником Нарсаея в качестве экзегета и ректора Нисибийской академии. Совершенно очевидно, что здесь имеют место ошибочно вписанные имена Киоры вместо Раввулы и наоборот. Возможно, что в этом была повинна устная передача, тем более что текст содержит соответствующее указание: „говорят о нем“ (*ישארו מאלו*). Характеристика предшественника Нарсаея дается положительная, как и в трактате. Однако уже на следующей странице епископ Киора назван „еретиком“, препятствовавшим Нарсаею, а его клирики — разбойниками.⁴² Обвинения Нарсаею были предъявлены как стороннику Феодора Мопсуестского и Нестория, а затем и политического характера, как державшего сторону персов. О такого рода обвинениях говорят и другие источники, но имя, данное епископу — Киора, ошибочно, и издатель предлагает его заменить именем Нонна.⁴³ Основные факты жизни Нарсаея в трактате и в „Истории“ одинаковы, на их основании может быть написана история Нисибийской академии, но следует, по нашему мнению, считать, что „История“ была интерполирована, возможно, что в ней епископ и экзегет не были названы, а впоследствии были вписаны имена ошибочно. Возможно, и то, что отрицательная характеристика, данная епископу Эдессы, зависела от последующих событий, стала возможной в новой обстановке.

Названные источники являются основными, но, помимо них, в различных сирийских летописях, житиях, историях имеются сведения о сирийских школах и академиях, которые позволяют дополнить и уточнить то, что дают основные источники. История школы дает возможность глубоко вникнуть в процесс передачи знания, в характеры людей далекого прошлого, которые были носителями культуры своего времени.

Для истории Нисибийской школы, кроме ее замечательных статутів, трактата о школах и истории Бархадбешаббы, существенное значение имеют сообщения в отдельных биографиях, историях, хрониках о том, что те или другие сирийские деятели учились или учили в этой школе. Она заслужила название „матери наук“, была первым наиболее известным центром образованности Междуречья. Слава Нисибии распространилась по Византии, она соперничала с такими замечательными городами, как Антиохия и Александрия, традиции философских знаний которых уходят далеко в языческую античность. Сирийские города между Тигром и Евфратом имеют свою длинную политическую и культурную историю. На перепутье с Кавказа к Персидскому заливу, на дорогах из Центральной Азии к берегам Средиземноморья, на границе Ирана селевкидов, а затем сасанидов и Римско-Византийской империи эти центры экономической жизни, ремесла и торговли, обмена всевозможными товарами азиатских стран были в то же время центрами культуры, обмена и жи-

⁴⁰ Там же, стр. 500—501.

⁴¹ Там же, стр. 598—599.

⁴² Там же, стр. 600.

⁴³ Там же, стр. 603.

выми мыслями, теориями, верованиями, доступными благодаря тому, что там встречались лица этнически разного происхождения, которые сговаривались обычно на сирийском языке. Сирийский язык, его письменность, школьная традиция упрощали его освоение и широкое распространение, как международного языка в сношениях греко-латинского запада и арабо-персидского востока. Обе стороны пользовались сирийцами как толмачами и переводчиками, они бывали членами посольств, так как, живя на территории Ирана, исповедовали „религию кесаря“, а из Византии их охотно посылали в Иран, с языком и обычаями которого они были хорошо знакомы и имели своих людей при дворе шаханшаха. Они были полезны обеим державам в сношениях друг с другом и с третьей силой, зревшей на Востоке, — арабами.

Широкое распространение сирийской культуры связано с историей городов Междуречья, среди которых Эдесса и Нисибия заняли наиболее выдающееся место как важные экономические пункты, как центры ремесла, торговли и образованности.

Сирийские школы Эдессы и Нисибии

К первой четверти IV в. восходят сведения о христианской школе в Нисибии, епископ которой Иаков был участником Никейского собора 325 г. Его ближайшим учеником был знаменитый Ефрем Сирийский, мар Афрем, в житии которого рассказывается, как он писал толкования на библейские и евангельские книги и был привлечен Иаковом к занятиям в школе.¹ Какова была тогда ее организация, неизвестно. В 363 г. Нисибия отошла к персам, и мар Афрем покинул этот город и ушел в области Бет-Гармай, в Амиду, а с 365 г. стал учить в Эдессе в „школе персов“, основателем которой его считают некоторые источники. В Эдессе Ефрем оставался до своей смерти в 373 г.²

Христологические споры приняли особенно острый характер в Эдессе благодаря тому, что эти взгляды высказывались экзегетами, толковавшими писание в школе, выступавшими с проповедями, писавшими обширные трактаты. До того как произошел открытый разрыв и было осуждено несторианство, в „школе персов“ преподавали учителя различных догматических взглядов.³ В этом отношении характерно положение Раввулы, епископа Эдессы.

Раввула, уроженец Кеннешрина, был сыном жреца-язычника и христианки. Он был наставлен в „греческой науке“, занял административную должность префекта, был женат на христианке. Его обращение привело его в Палестину, где он принял крещение, а затем стал монахом, оставил семью и раздал свое имущество. На вселенском соборе в Ефесе из сторонников Иоанна Антиохийского он перешел к взглядам Кирилла Александрийского; некоторые его сочинения он перевел с греческого на сирийский.⁴ Между ним и несторианами сложились поэтому тяжелые отношения, в частности с Хибой (Ивой), горячим сторонником Феодора Мопсуестского.⁵ Однако и Раввула, умерший в 435 г., и Хиба были профессорами школы в Эдессе.

¹ Barhadbešabba Arabaya, évêque de Halwan. Cause de la fondation des écoles. Ed. Addai Scher. Patrologia Orientalis, 4, Paris, 1908, p. 377.

² A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, S. 34.

³ Labourt. Le christianisme dans l'empire perse des Sassanides. Paris, 1905, p. 131.

⁴ A. Baumstark. Geschichte. . . , S. 71.

⁵ Там же, стр. 101.

Источники упоминают также Киору, который был во главе этой школы до Нарсая. Киора был учеником замечательного деятеля сирийской культуры мар Абы I, преподававшего в Нисибийской школе и бывшего основателем школы в Силевкии.⁶ Судя по тому, что Киора обвинил Нарсая в ереси, можно предполагать, что по взглядам своим Киора был близок православным епископам Эдессы, Раввуле и Нонну, и во всяком случае враждебен несторианству.

С именем Ивы Эдесского связан ряд колебаний в развитии догматических взглядов на востоке, отношение к его христологии несколько раз менялось, а с этим и его положение. Но у него были и горячие приверженцы, к числу которых принадлежали его ученики по школе, среди них Барсаума, выдающийся представитель сирийской образованности. Перс по происхождению, раб, принадлежавший некоему Мару из Бет Карду, он выдвинулся благодаря своим способностям и знаниям в „школе персов“. Страстный приверженец несторианства, Барсаума уже в 449 г. на Ефесском соборе был осужден, но оправдание Ивы Халкедонским собором укрепило его положение. Вероучение диофизитов Барсаума поддерживал в Нисии и в Иране вообще, в противовес господствовавшему в Византии православию, ссылаясь и на политические соображения, по которым христианство в Иране должно было носить свой, отличительный от византийского характер. Как и другие восточные отцы, он был противником целибата и в противоположность им отстаивал даже женатый епископат. Он сам был женат, „как все персы“. Будучи епископом, он женился на бывшей монахини Мамое, уступив пожеланию шаханшаха, как утверждает один из источников.⁷ Горячий и неуживчивый нрав Барсаумы не раз приводил к конфликтам между ним и другими, как в случае с католикосом Бабоваем, с Акакием. Но он сумел поладить с Перозом (457—484), шах отнесся благоприятно к его избранию епископом Нисии, более того, утвердил за ним чисто светские обязанности надзора над пограничными войсками персов. Вместе с марзбаном Кардагнахверганом и царем арабов-лахмидов он участвовал в определении границы между Ираном и Византией. Свое положение при дворе Барсаума использовал в интересах несторианства и его укрепления у персов. Эдесскую школу он покинул для Нисии, так как после смерти в 457 г. Ивы Эдесского, учеником которого он был, там выявилась резкая монофизитская реакция.⁸ В качестве епископа Нисии он проявил большую инициативу, созвал несколько поместных соборов, упорядочил чтения церковного года. Особое значение он справедливо придавал школе, передаче традиций и поэтому уделил большое внимание организации Нисибийской академии. Нет сомнения, что он использовал в качестве образца сложившиеся в Эдессе порядки. Он сам вел занятия, толкуя писание, и привлек новые силы, чтобы сделать школу в Нисии оплотом несторианского учения, которое после смерти Ивы было гонимо в Эдессе. Епископ Нонн, преемник Ивы в Эдессе, поспешил освободить школу от несториан, которые покинули византийские пределы, переселившись в Иран. Вероятно, тогда же покинул Урху и талантливейший Нарсай, стоявший во главе школы после Киоры.⁹ В 489 г. в соответствии с распоряжением императора Зенона епископ Кир совсем

⁶ Labourt. *Le christianisme...*, pp. 169, 291; Н. Пигулевская. *Мар Аба I. Сов. востоковедение*, V, 1948, стр. 73—84; N. Pigulevskaya. *Mar Aba I. Mélanges Massé. Teheran*, 1963.

⁷ Maris Amri et Slibae de patriarchis nestorianorum commentaria ed H. Gismondi. *Romae*, 1899, pp. 37, 39; Labourt. *Christianisme...*, p. 149.

⁸ Labourt. *Le christianisme...*, pp. 130—152.

⁹ A. Baumstark. *Geschichte...*, SS. 104, 109.

закрыв ее, как очаг ереси диофизитов. Судьбы Нисибийской школы оказались теснейшим образом связанными с Нарсаем и Барсаумой, однокашниками по „школе персов“ и последователями Ивы.

Биография мар Нарсаея во многих отношениях представляет большой интерес.¹⁰ „Когда ему было 7 лет, он пошел в школу для мальчиков“, за 9 месяцев он так освоил знания, что „отвечал всего Давида“, т. е. все псалмы. Между тем против школы началось гонение со стороны персидских жрецов „магов“ (ܩܠܕܝܢܐ), которые стремились „отвратить от истины“ ее учеников. Учитель этой школы из селения Аин Дульба области Маальта, откуда был родом Нарсай, „взя школу и спрятался на одной горе“ (ܩܘܢܝܐ ܕܩܝܠܒܐ ܕܝܢܐ ܕܡܐܠܬܐ ܕܝܢܐ), т. е. увел всех учеников своей школы в горы, где они пережидали „грозу гонений“. „Оставался этот святой в той школе 9 лет и превзошел своего учителя в знании (ܩܠܕܝܢܐ)“. Со смертью своих родителей Нарсай был лишен возможности учиться дальше, он отправился к своему дяде по отцу, Эмануилу, архимандриту монастыря Кефармари, находившегося у границ области Бет Забдай (Забдицены). Эмануил учился в школах Эдессы (ܩܝܘܨܐ ܕܥܕܥܝܣܐ ܕܩܝܠܒܐ), и при нем значительно увеличилось число братьев названного монастыря.¹¹ Он был назначен периодом области, а затем ведал церквами Амида. В Кефармари он основал школу. Когда Эмануил увидал, что пришедший к нему племянник „просвещен в знании больше, чем учителя и братья тамошние, он и все собрание упросили его (Нарсаея), чтобы он читал им книги (рукописи — ܩܘܢܝܐ). Они его уговорили, и он остался с ними одну зиму“. Но Нарсай стремился к новым знаниям, „он услышал о собрании (ܩܠܕܝܢܐ), которое существовало в Урхе, он оставил их и отправился в Урху, где нашел собрание, полное духовной жизни и знания писаний. Там он оставался 10 лет“.¹² Эмануил вынудил Нарсаея вернуться из Эдессы в Кефармари, куда к нему собралось около 300 братьев, но Нарсай вновь ушел оттуда, на этот раз тайно (ܕܩܠܕܝܢܐ), и вернулся в Эдессу. Перед смертью дядя вновь призвал Нарсаея и завещал ему „все собрание монастыря“. Но Нарсай поручил „дело обучения“ (ܩܠܕܝܢܐ ܕܩܠܕܝܢܐ) некоему брату Гавриилу, а сам вернулся в „школы Урхи“. В „Истории“ Бархадебашабы дважды говорится о пребывании Нарсаея в Эдессе по 10 лет, но следует считать, что это повторение одного и того же факта.¹³ Здесь, в Эдессе, Нарсай встретился с Барсаумой, который отличался остроумием и способностями и в короткое время освоил все знания, они оказались единомышленниками (ܩܠܕܝܢܐ), убежденными последователями Нестория.¹⁴ Барсаума переселился в Нисибий, где благодаря своей учености стал „толкователем церкви“ (ܩܠܕܝܢܐ ܕܩܝܠܒܐ), а затем в соответствии с общим желанием был поставлен епископом Нисибии, куда он и привлек Нарсаея. Последний преподавал в „школе персов“ в Эдессе и стал во главе ее после Киоры. Наиболее вероятно, что свое преподавание Нарсай начал после смерти Раввулы, в период, когда епископом Эдессы считался Ива (Хиба). Возглавил же он школу в качестве ее ректора после Киоры, который занимал это место до него.¹⁵

¹⁰ Barhadbešabba Arabaia. La seconde partie de l'Histoire. Ed. F. Nau. Patrologia Orientalis, 9, Paris, 1913, pp. 594—615.

¹¹ Там же, стр. 596.

¹² Там же.

¹³ A. Baumstark. Geschichte. . ., S. 110.

¹⁴ Barhadbešabba Arabaia. La seconde partie. . ., p. 597.

¹⁵ Barhadbešabba Arabaya. Cause de la fondation des écoles, pp. 68—70.

Став главой Эдесской школы, Нарсай вел основной и наиболее важный предмет — толкование, экзегезу. С тем чтобы „больше трудиться над истолкованием божественных писаний“, он передал занятия чтением, огласовкой и другими предметами специальным учителям (κλῆρονομοκλήσιον).

Однако Нонн и другие клирики назвали его „толкователем-еретиком“ (καλιῆς κληρονομοκλήσιον), так как он следует учению Феодора (Мопсуестского) и Нестория, „учеников Павла“ Самосатского.¹⁶ По мнению Бархадбешаббы, Нарсаю завидовали, потому что он, будучи персом, был так учен и занял видное положение. „Как муж перс покорил ромеев, он, который чужд порядку речи?“ (κῆρ κἀθαλιβῶτ κερῆψ ἰσαῦτ), т. е. не знает правил риторики.¹⁷ К этому стали прибавлять чисто политические обвинения в том, что Нарсай в качестве перса готов предать Эдессу, которая стоит на границе с Ираном. Нарсаю угрожали, его уговаривали схитрить, но он остался твердым и верным своим убеждениям. Страсти разгорались. Против него подняли чернь (οὐλοῦν — οὐλος), толпу, его решили сжечь. Один из его друзей успел предупредить его и предложил ему бежать. Нарсай сразу отправился „и достиг церкви города, там он нашел мужей персов (κῆρῆσ κῆρ)“.¹⁸ Они могли помочь ему скрыться, но у него было сокровище, с которым он не хотел расстаться. „Он спросил их, может ли он взять с собой свои книги“. Те очень обрадовались и „с тщанием“ доставили все его книги до Нисибина. На утро Нарсаю хватились в Эдессе, но он был уже далеко, ни друзья, ни враги не могли его найти. Помощь ему была оказана единоверцами — персами, т. е. христианами, близкими ему и по этническому признаку.

Надо думать, что Нонн в изгнании Нарсаю не участвовал и не был виноват, он даже обещал в случае его возвращения встретить его с честью, но попытки остались втуне, ушедший не вернулся.¹⁹

Достигнув Нисибии, Нарсай „не вошел в город“, а остановился в „монастыре персов“, находящемся на востоке от города. Узнав его историю, о нем сообщили Барсауме, который предложил ему войти в город, но его пришлось долго уговаривать, прежде чем он согласился. Торжественно он был встречен Барсаумой, который стал его убеждать создать в Нисии собрание, так как задачей его жизни должно быть просвещение всего Междуречья, и этим будут удовлетворены обе стороны — и ромеи, и персы.²⁰ Далее в уста Барсаумы вложены те же идеи, которые изложены в „Трактате о школах“, о преемственности школ, о том, что школа перешла из Антиохии в Эдессу, а отсюда в Нисибию, мысль, которая роднит оба сочинения Бархадбешаббы. Здесь должна была „усилиться наука о писаниях“. Кроме того, Барсаума считал важным для Нарсаю остаться вблизи Эдессы, чтобы его враги видели и его торжество.²¹ Барсаума предложил ему открыть „собрание“ в Нисии: „Ибо нет города в Персии, который мог бы принять тебя, как этот большой город, стоящий на границе, в него собираются со всех сторон, а когда услышат, что здесь есть собрание и особенно, что ты его руководитель, многие устремятся сюда“.²² Убедив Нарсаю, Барсаума „тотчас

¹⁶ Barhadbešabba Arabaia. La seconde partie. . . , pp. 599—600 (следует читать имя Нонна, епископа Эдессы с 457 по 471 г.).

¹⁷ Там же, стр. 600.

¹⁸ Там же, стр. 602—603.

¹⁹ Там же, стр. 604.

²⁰ Там же, стр. 606.

²¹ Там же, стр. 608.

²² Barhadbešabba Arabaia. Cause de la fondation des écoles, p. 385.

приказал сделать все, что было необходимо приготовить для школы. В короткое время многие (многие), не только братья персы и сирийцы, что поблизости, но и многие из собрания Урхи пришли к нему. „По этой причине умножились собрания в Персии, Урха помрачилась, Нисибия просветлела“. „Так как и до этого там была школа и был экзегет, кашкарец по имени Симеон, муж великий и достойный, то делу не было препятствий“, а предстояло только расширить школу. Барсаума поэтому „купил ему около церкви конюшню верблюдов под школу“, и сюда к Нарсаю „в короткое время начали собираться братья со всех сторон“. Популярность Нарсая была очень велика, его постоянно посещали; келья его находилась вблизи дома епископа, и его жене Мамое показалось обидным, что множество людей приходило не к Барсауме, а к экзегету. Она не стала этого скрывать. Когда Нарсай посетил Барсауму в следующий раз, он заметил, что прежнего отношения к нему не было, и спросил о причине. Считая, что ему лучше удалиться, он отправился в монастырь Кефармари, где написал две мимры об этих событиях. Они были прочитаны в Нисибии, епископ Барсаума покаялся и пригласил его обратно. Нарсай вернулся, но купил себе келью вдалеке от дома епископа, хотя они и остались в дружбе.²³

В биографии этого талантливого человека особенно отчетливо сказались все трудности, которые возникали для христианина.

Политическая обстановка, в которой проходила жизнь таких культурных центров, как Эдесса и Нисибия, отражалась в событиях жизни отдельных лиц, а также в развитии тех или иных идеологических направлений. Враждебные отношения шаханшахов с Византией не могли не оказывать влияния, особенно всякий раз, когда они обострялись. На философскую мысль сирийцев воздействовали труды византийских theologов, которые вырабатывали догматы в жарких спорах. Школы играли в этом случае первоочередную роль, в зависимости от того, из Антиохии или из Александрии тянулись связи ученого или экзегета, вырабатывалось и догматическое направление. Правительству шаханшахов было желательно, чтобы христианская церковь в Иране была независима, а ее вероучение отличалось от принятого в Византии православия.

Принадлежность к религии, которую исповедовал кесарь, враг Ирана, делало положение Нарсая легко уязвимым, давало простор политическим додозрениям. Будучи персом, Барсаума пришел на помощь Нарсаю, персы же помогли ему скрыться из Эдессы. Но Нарсай был неосторожен, он составил мимру и в ней в „жесточких словах“ упомянул о гордыне ума шаханшаха Пероза, который отправился в поход в Бет Кафтарайе и потерпел поражение.

Когда Кавад осаждал Амид в 503 г., двое из учеников Нарсая оговорили его перед шахом, утверждая, что Нарсай — „ваш враг“ и „ненавистник вашего царства“. Однако были люди из Бет Хузайе (Хузистана), которые сообщили об этом доносе Нарсаю. Тогда Нарсай написал другую мимру, а эти „хузайиты перевели ее на персидский язык“ (ܟܘܝܝܐ ܟܘܝܝܐ ܟܘܝܝܐ ܟܘܝܝܐ). Мимру „прочитали перед шахом“, в ней были положительные слова о персидском государстве, и Кавад решил не преследовать Нарсаю, который получил возможность продолжить свою деятельность.²⁴ Люди из Бет Хузайе, которые перевели мимру и предупредили Нарсаю, были, конечно, дружественные ему персы — христиане.

²³ Barhadbešabba A r a b a i a . La seconde partie. . . , pp. 610—611.

²⁴ Там же, стр. 613.

Была сделана еще одна попытка оклеветать Нарсяя как шпиона, действовавшего в пользу Византии, но выполнить это не удалось, так как направленный из Ирана посол с доносом умер в Антиохии.²⁵ Подсчет лет жизни Нарсяя составляет 103 г.,²⁶ однако следует считать, что в Эдессе он провел не 20 лет, а 10, тогда он умер в возрасте около 93 лет.²⁷ Он оставил после себя огромное количество трудов, часть которых сохранилась.²⁸ В его биографии говорится, что он посвящал множество времени чтению и толкованию писаний и вел аскетический образ жизни. С ним соперничал монофизит Иаков Серугский, сочинявший мимры и стремившийся путем „благозвучных стихов“ и проповедей оторвать последователей Нарсяя от него (ܢܪܫܝܐ ܕܢܪܫܝܐ ܕܢܪܫܝܐ). В свою очередь Нарсай сочинил мимры на каждый день года, толкуя библейских пророков.²⁹

Не лишено интереса то, что Бархадбешабба спрашивает себя, что привлекало народ к Нарсаю, и отвечает на этот вопрос, учитывая все возможные причины интереса и симпатии к Нарсаю; он перечисляет их так: 1) это было новостью, 2) привлекало достоинство его образа, 3) приятность его лица, 4) снисхождение, которое он выказывал каждому, 5) его доброта (приятность его любви, буквально), 6) красота его поучения.³⁰ Здесь перечислены как внешние, так и внутренние качества героя, но не оставлены в стороне и чисто человеческие черты, которые влекли к Нарсаю, как новизна или самая маера его себя держать.

С именами Барсаумы и Нарсяя связаны документы большой важности, о которых выше было упомянуто, статуты Нисибийской школы, т. е. первый дошедший до нас устав средневекового университета.

Продолжателем дела Нарсяя был его односельчанин (ܡܪܝܢܘܨܝܐ) и родственник (ܡܪܝܢܘܨܝܐ), которого его родной отец привел 15-летним юношей к знаменитому экзегезу в Нисибии. Так как имя его было также Нарсай, то ему было дано новое имя — Авраам (чтобы „не было двух Нарсаев в одной келье“³¹), под которым он и стал известен. Авраам прожил долгую жизнь и до своей смерти в 569 г. сохранил способности и знания.³² В „Истории“ Авраам назван ошибочно непосредственным преемником Нарсяя после его смерти (503 г.). Через 20 лет „восстали против него“ (ܡܪܝܢܘܨܝܐ) „братья вместе с горожанами“ (ܡܪܝܢܘܨܝܐ) и поставили вместо него Елисея Арабая бар Козбайе.³³ В „Трактате о школах“ Елисей назван сразу после Нарсяя; он руководил школой 7 лет.³⁴ Ввиду того что Елисей умер в глубокой старости, был длительное время ближайшим помощником Нарсяя и так как сведения „Трактата“ более надежны, следует считать, что Нарсяя сменил в качестве ректора Елисей. И лишь после Елисея ректором стал Авраам.

Оба названных источника говорят о трудах и комментариях, которые составлял Елисей, в особую заслугу ставят ему апологетическую деятельность, „ответы на вопросы магов“, т. е. защиту христианства,

²⁵ Там же, стр. 614.

²⁶ Там же, стр. 615, прим. 3.

²⁷ A. Baumstark. Geschichte... , p. 110.

²⁸ Там же, стр. 110—113.

²⁹ Sed Nicolas. Notes sur l'homélie N 34 de Narsai. L'Orient syrien, 40 (v. 10, f. 4), 1965, pp. 511—524.

³⁰ Barhadbesabba Arabaia. La seconde partie... , p. 609.

³¹ Там же, стр. 616.

³² Там же, стр. 616₁, 630₂.

³³ Там же, стр. 620.

³⁴ Barhadbesabba Arabaia. Cause de la fondation des écoles, p. 387.

трактаты, в которых он опровергал зароастризм.³⁵ Когда Авраам³⁶ стал главой академии, численность конгрегации возросла до 1000 человек, соответственно было необходимо принять меры для расширения школы. Школярам приходилось селиться в разных местах города, дорого платить за кельи, подчас терпеть обиды. Поэтому ректор обратился к некоему Кашви, христианину и врачу шаханшаха, прося его дать ему место, землю под постройки, которые он возвел на свои средства. Авраам построил 80 келий, разделил их на 3 двора и поставил две бани — одну для братьев, другую для горожан, чтобы доход с нее поступал в пользу больницы. Он построил ее (ξενοδοχεῖον) для братьев, оставил ее и сам навещал больных. Часть доходов он уделял на содержание учителей (ܟܠܘܢܐܘܬܐ ܟܠܩܘܬܐ), для которых не было других средств, поэтому им было приобретено селение (ܟܠܘܢܐ) за 1000 статиров. Из того, что поступало, он уделял на учителей, а излишки отдавал на ту же больницу.³⁷ Таким образом, школа и ее ректор владели недвижимостью, имели с нее доход.

При академии был свой скрипторий, „дом писаний“ (ܟܠܘܢܐܘܬܐ ܕܒܝܗܘܘܬܐ). Ценность каждой рукописной книги была исключительной, считал же Нарсай свои книги „сокровищем“ и не хотел без них покинуть Эдессу. В „постановлениях“ школы специальные параграфы запрещают брать книги без разрешения из библиотеки, а за утайку книги грозило наказание. Переписка, размножение книг было важным делом, а скрипторий — одной из основ школы. Авраам приложил немало стараний и построил „другой дом около своей кельи, большой и просторный“, так как первоначальное место скриптория было тесным. Новое помещение способствовало тому, чтобы писцам было „легко писать и выполнять их работу“.³⁸ „Нет нужды говорить о его трудах, которые он выполнял ради школы, — пишет Бархадбешабба, — о тех постройках, которые он возвел, о пользе (букв. доходах), которую он доставил школе“, „так как его дела более ясны и светлы, чем лучи солнца, потому что вся земля персов просвещена его учением“.³⁹

Авраам был автором целого ряда трудов, особенно ценным сирийцы считали доступно изложенные им толкования писаний Феодора Мопсуестского и его последователей.⁴⁰ Как видно из дальнейшего, он оставался приверженцем несториан. Едва ли можно усомниться в правдивости источника, сообщающего, с одной стороны, о популярности Авраама среди широких слоев населения, с другой стороны, о преследованиях, распри, которые возникали неоднократно. Его очень „любили жители города, не только верующие, но и язычники, а иудеи верность клятвы удостоверяли призыванием его имени“.⁴¹

Тем не менее тот же источник говорит о том, что у него были столкновения то с епископом города, то с общиной христианской, то с „чужими“ (ܟܠܘܢܐ), но, добавляет он, „не следует об этом говорить“. Однако известно, что Авраама обвинили, „как того, кто доставляет беспокойство на границе“. Марзбан, которому было об этом сообщено,

³⁵ Там же, стр. 387.

³⁶ J. B. Chabot. L'école de Nisibe. Journal asiatique, 9 série, t. VIII, 1896, p. 53; A. Baumstark. Geschichte... S. 115.

³⁷ Barhadbesabba Arabaia. La seconde partie... pp. 622—623.

³⁸ Там же, стр. 620—621.

³⁹ Barhadbesabba Arabaya. Cause de la fondation des écoles, p. 389.

⁴⁰ Barhadbesabba Arabaia. La seconde partie... p. 622.

⁴¹ Там же, стр. 621.

послал с известием к шаху своего сына, но тот, возвращаясь от шаха, утонул в Тигре, а марзбан с горя умер.⁴²

Позднее против экзегета подняли свой голос иудеи. В свою очередь на них ополчился „весь город“. Тогда иудеи обратились к епископу, требуя, чтобы вина была возложена „на старца, как на того, кто со своими учениками был причиной раздора“. Никто не пришел на помощь Аврааму, в то время тяжело больному, и „персидские правители“ сочли его виновным.

Как видно из дальнейшего, положение было угрожающим для школы. Друзья „скрылись“, а все „братья“, т. е. школяры, „рассеялись“ к тому времени, когда Авраам поправился. Он увидел это разорение и отправился ко двору шаханшаха, где добился не только того, что был снят запрет, т. е. закрытие школы (קטוואב, т. е. отрезание, прекращение), но он был ласково принят шахом и всем его правлением (פולטיעא). Ему была оказана большая честь как царем, так и его знатными. Академия была восстановлена как прежде (מלכות חכמה וכו' על פי חכמי קדמונים), а все ее враги были посрамлены.⁴³

Другое столкновение Авраама было с его единоверцами, христианами, обвинившими его в идолопоклонстве. Причиной клеветы было то, что „у него были икона нашего Господа и знак креста“. Когда он вставал засветить свой светильник, он прежде всего кланялся и молился иконе и кресту. Его обвинили в том, что у него якобы есть идол, „горожане“ (כחמיתא דבית) рассмотрели это дело и сочли это клеветой.⁴⁴ Но враги не успокоились. Ввиду того что Авраама много посещали, „постоянно была открыта его дверь перед каждым“, он счел возможным сделать загородку перед внешней дверью своего двора, чтобы скот не мог в них заходить (כחמיתא דביתא דאברהם). Это было новшеством, „в Нисибии это было сделано впервые, по обычаю ромеев“, и вызвало новую клевету, опять в идолопоклонстве, якобы против двери в доме Авраама был кумир, которому всякий входящий кланялся поневоле. Ложное обвинение было обнаружено и раскрыто.⁴⁵ Подозрения в идолопоклонстве были связаны с большой настороженностью в отношении к иконам на востоке, иконоборчество имело глубокие корни. Если позднее оно было связано с мусульманским влиянием, то в данном случае, в V в., страх перед поклонением иконам был связан с наличием языческих культов и влиянием иудеев.

Аврааму пришлось также защищать свои взгляды, основанные на учении Дюдора Тарского, Феодора Мопсуестского и Нестория. Против него поднялись „ромей, синодиты (сторонники Халкедонского собора) и сирийцы“, так как он поминал имена этих трех отцов в богослужении, „он приказал возвещать их имена в книге жизней“ (פירושא דחמיתא דביתא דאברהם). Тогда „убедили кесаря“, вероятно императора Юстиниана, потребовать у Авраама ответа на вопрос о его вере, тем более что Нисибия находилась в тесном общении и связи с Антиохией. Но в Константинополь экзегет не поехал, а ответил письменно, отговорившись старостью. Посланные им к императору клирики твердо стояли

⁴² Там же, стр. 625—626.

⁴³ Там же, стр. 626—627.

⁴⁴ Там же, стр. 624.

⁴⁵ Там же, стр. 625.

на его точке зрения и защищали ее. Нисибийцы не согласились отказаться от упоминания имен трех глав.⁴⁶

Авраам руководил „этим собранием“, т. е. конгрегацией Нисибийской академии в течение 60 лет, тщательно соблюдая порядок и принимая участие в занятиях.⁴⁷

Биографии ректоров и профессоров многое раскрывают в жизни замечательной сирийской школы, ее регламент еще с большей полнотой позволит уяснить формы, в которых протекала учеба. Учителя и ученики, вернее профессора и студенты, составляли все вместе организацию, собрание, общину. Это была ~~школа~~, собрание, сходка всех членов общины, которая являлась высшим органом, решавшим миром все важнейшие вопросы жизни школы. В какой-то мере организация школы походила и на древнюю христианскую общину, и на крестьянскую сельскую общину, решавшую свои дела сходом, и на порядок, в соответствии с которым жили в общежительных обителях. Из Нисибийской академии вышел ряд несторианских деятелей, их литературная деятельность оставила глубокий след в истории идеологии Востока. Последовательно могут быть названы имена руководителей этой школы после Нарсаи, как Елисея бар Косбайе, после него родственника и синкела Нарсаи мар Авраама, которому помогал Иоанн, прозванный де Бет Раббан. После смерти последнего Аврааму пришлось вести все дело одному. В течение двух лет после него был ректором Ишояб, будущий епископ Арзуна, а затем католикос (581—596). Следующим экзегетом школы был мар Авраам бар Насибанайе (Нисибиец).

В 572 г. на эту кафедру вступил Хенана Адиабенский, имя которого мы уже упоминали в связи с тем, что „Трактат“ Бархадбешаббы заканчивается хвалой и пожеланием долгой жизни этому блестящему ученому-теологу трагической судьбы. Сам Хенана учился в академии при мар Аврааме, затем стал ее учителем и занял положение экзегета и ректора. К этому времени в академии было свыше 800 слушателей. В своих взглядах, однако, Хенана отошел от трафарета, к которому привыкли в толковании библейских книг, он не стал следовать изложению Феодора Мопсуестского и явственным традициям несторианства. В своих толкованиях он принял метод и взгляды, которые высказывались такими отцами, как Иоанн Златоуст, что вызвало неудовольствие и возмущение. К тому же его философские воззрения были сродни оригенизму. Большое стечение слушателей и волнения среди них побудили Хенану обновить старые, утвердить и дополнить новые правила поведения, т. е. устав, статуты академии в 590 г. В 602 г. эти правила были возобновлены и подтверждены повторно. Известно, что 300 слушателей академии, в том числе Ишояб из Гедалы (будущий каталикос, 628—643/4) и часть учителей, покинули в знак протеста против учения Хенаны свою alma mater.⁴⁸ Поддержку Хенане оказывала светская власть, благодаря чему он в течение ряда лет продолжал свою деятельность.

Главным пунктом обвинения против Хенаны было то, что он давал иное толкование писания, чем принятые школой традиции экзегезы Феодора Мопсуестского.⁴⁹ Это следует из того, что на соборе Ишояба I в 585 г. в каноне II опровергались „ложные“ представления, „возводи-

⁴⁶ Там же, стр. 628—629.

⁴⁷ Там же, стр. 630.

⁴⁸ J. V. Chabot. L'école de Nisibe, p. 66; A. Baumstark. Geschichte... S. 127; Amri et Slibae. De Patriarchis nestorianorum commentaria ed. H. Gismondi. Textus. Romae, 1896, p. 52; versio latina — Romae, 1897, p. 30.

⁴⁹ G. Hoffmann. Auszüge aus Syrischen Akten Persischer Martyrer. Leipzig, 1880, S. 116.

мые еретиками“ на „вселенского экзегета“. В этом каноне предлагалось точно придерживаться его учения и не приводить никаких „других“ комментариев, в частности Иоанна Златоуста,⁵⁰ хотя бы они излагались в особенно изящной и притягательной форме. Из другого источника известно, что Хенана признавал учение Оригена, об этом говорит Бабай Великий, автор жития мученика мар Гиваргиса (†612 г.). Когда Гиваргис прибыл учиться в Нисибю, Авраам, „отец и глава монахов“, предупредил новообращенного Михрамгушнаспа—Гиваргиса о еретических учениях, которые распространены и которыми „испорчен все еще весь этот несчастный город“. „Злые заблуждения“, о которых идет речь, распространяют „злодей Хенана и его ученики“. Обвинения, которые предъявляет ему Бабай, заключались в том, что он „делал Бога конечным (ܟܠܘܢܐ), страдающим (ܟܠܘܢܐ) и смертным (ܟܠܘܢܐ)“, что он „отвергал воскресение тел“ и считал „возможным лишь спасение душ“, „что суда и наказания нет“. ⁵¹ В другом случае добавлено, что Хенана учил, что „нет суда, нет наказания, нет воздаяния“. ⁵² Ему приписывают мнение, что „не грешит тот, кто прелюбодействует и любодействует, потому что это прирождено“ (ܡܠܟܐ ܕܘܨ ܦܐ). Толковать это сирийское выражение как „гороскоп“ едва ли следует и не вызывается необходимостью, т. е. контекстом. ⁵³ Но необходимо иметь в виду, что Хенана учил, что „всякая судьба“, каждое решение, определение (ܟܠܘܢܐ) имеют свою причину и „руководимо звездами“, ⁵⁴ что позволяло говорить о его „халдействе“, т. е. связи с древними учениями астрологов, широко распространенными в древности в Междуречье и надолго удержавшимися в Харране. „И, наконец“, Хенана считал, „что все люди — сыны Божией сущности“, т. е. люди одной духовной сущности с Богом, „как говорил Ориген, язычник из язычников“. ⁵⁵ Верный несторианским взглядам, Бабай ставит в вину Хенане заблуждения императора Юстиниана и Кирилла Александрийского, православное учение о двух природах — божественной и человеческой — во Христе и одной ипостаси, он приводит по поводу этого длинные доказательства, построенные в строгой логической форме, как было принято у искушенных в риторике теологов. ⁵⁶ Все „заблуждения“ Хенаны, по мнению несториан, были основанием для того, чтобы называть его „еретиком“, „оригенистом“, „халдеем“ и „губителем жизни“. ⁵⁷ „Всеми епископами Востока“ к Хенане был послан Григорий Нисибийский, чтобы переубедить его, но ему это не удалось. ⁵⁸ Так как Хенана воздействовал не только словом, но и своими „писаниями“, широко распространенными, то патриархом Сабришо (590—604) они были запрещены. Часть толкований и гомилий Хенаны сохранилась, как трактат о „Золотой пятнице“ и на „Пост Нинивитян“, ⁵⁹ которые свидетельствуют о его

⁵⁰ Synodicon Oriental, Ed. J.-B. Chabot, Paris, 1902, p. 400; G. Hoffmann. Auszüge. . . , SS. 116—117.

⁵¹ Житие мар Гиваргиса, сирийский текст: Vie de mar Iabalaha et de trois autres patriarches. . . , éd. P. Bedjan, Paris, 1895, p. 477.

⁵² Там же, стр. 477.

⁵³ G. Hoffmann. Auszüge. . . , Payne—Smith, Thesaurus 1, p. 486 (несколько значений: a) nativitas, b) horoscopus).

⁵⁴ Житие мар Гиваргиса, стр. 496.

⁵⁵ Там же, стр. 477.

⁵⁶ Там же, стр. 497—498; A. Guillaumon. Les Kephalaia gnostica d'Evagre le Pontique. Paris, pp. 189—190.

⁵⁷ Житие мар Гиваргиса, стр. 496.

⁵⁸ G. Hoffmann. Auszüge. . . , S. 117.

⁵⁹ Patrologia Orientalis, 7, Paris, 1911, pp. 53—87.

православных взглядах. Издатель этих текстов называет выпады Бабая „клеветой“, так как Хенана в своих трудах утверждает ответственность человека за его грехи и высказывает взгляды, которые отводят и возведенные на него обвинения.⁶⁰

Талант, красноречие, сила убежденности, большие знания делали Хенану опасным для несторианства, по признанию его противников. Его характеристика в „Трактате“ о Нисибийской академии говорит о его смирении (ܩܕܝܫܘܬܐ) и об обладании „всеми дарами, которые требуются для толкования“, для экзегезы. „День и ночь он погружался и занимался чтением писаний и их толкованием“ и призывал к этому других. Более того, у него была „большая любовь“ к этому делу, а „уверенность в своем слове и великое сокровище его души“ делали его устное и письменное слово особенно притягательными.⁶¹

Борьба со взглядами Хенаны приняла острый характер, но в течение длительного времени он сохранял за собой признание, во всяком случае части учителей и слушателей Нисибийской академии, об этом свидетельствует то, что имя Хенаны упомянуто в приписке ко второй серии „Правил“ академии, датированной 602 г. (13-й год шаханшаха Хосрова), где он назван „нашим учителем“ со всеми высокими званиями („почтенный“, „его святость“), в качестве подписавшего и приложившего печать к этому документу.⁶²

Возможно, что 6-й канон постановлений собора Иезекииля 576 г., повторенный 18-м канонном постановлений собора 585 г. Ишояба I, в которых говорится о необходимости соблюдать „разделение“, „отчуждение“ от экскоммуницированных лиц, не общаться с ними, пока они не будут оправданы, следует отнести к делу Хенаны.⁶³ Следует также отметить, что упомянутое выше постановление собора 585 г. об обязательности комментировать писания в соответствии с толкованиями Феодора Мопсуестского не называет имени Хенаны, что также говорит о том, что принять окончательное решение в вопросе о деятельности выдающегося экзегета было для несториан затруднительным.

Несомненно, что все это носило характер расхождения взглядов, разрыва между отдельными, не совпадавшими в своем учении лицами. Несториане заняли твердую позицию и не хотели ее сдавать, настаивая на признании Феодора Мопсуестского и Нестория. Разлад привел к ослаблению общего положения Нисибийской академии, уменьшению ее влияния, так как идейное развитие сирийцев пошло по нескольким руслам. Немалую роль сыграло и известное оформление учения монофизитов, которые ряд монастырей сделали центрами обучения, а тем самым и распространения своего учения.

В VII и VIII вв. деятельность Нисибийской академии продолжалась, но арабское завоевание значительно поколебало общие устои жизни Ирана, ограничило его экономическую жизнь, нанесло ущерб как земледелию, так и ремеслу, и торговле.

Нам придется еще говорить о роли сирийцев в просвещении арабов, в освоении ими плодов греческой науки и философии, в чем немалую долю следует отнести за счет сохранения и преемственности знаний в таком центре, как Нисибия. Несомненно следует отметить известный упадок, ослабление интенсивности занятий в академии и ее значения, как и уменьшение числа учителей и учеников с VII в.; тем не менее

⁶⁰ Там же, стр. 8.

⁶¹ Barhadbesabba A r a b a y a. Cause de la fondation des écoles, p. 391.

⁶² Statuta, p. 189.

⁶³ Synodicon Oriental, pp. 117—118, 152—153.

традиция продолжает держаться, и этим сохраняется передача известного цикла знаний из поколения в поколение. С этого времени сведения о школах следует искать в различных сочинениях сирийцев, они разбросаны в их трудах, свидетельствующих о том, что школы продолжали существовать, их можно найти в селениях, в монастырях, в городах, но того мощного влияния на умы, которые имели академии Эдессы—Урхи и Нисибии, они достичь не могли. Расцвет высшей сирийской школы следует отнести ко времени до победы мусульманства, которое приглушило идеологическую роль сирийцев в Иране, но получило из их рук традиции преемственной эллинской культуры.

N. Pigoulevskaya

HISTOIRE DE L'ÉCOLE DE NISIBIE

Une analyse comparée des sources sur l'histoire de l'école de Nisibie réduit à la conclusion que les Statuti della scuola di Nisibie contiennent une tradition contemporaine et sûr, que le traité sur la Cause de la fondation des écoles de Barhadbešabba donne des faits connus par l'Histoire du même auteur, qui a subit des interpolations fautives. Cette analyse a permis de donner ensuite l'histoire successive des maîtres de l'école—Narsai, Barsauma et Henana.

L'exégèse de la St. Ecriture était le but principal des études à l'école, on l'enseignait conformément à l'interprétation de Théodore de Mopsuestie, suivant la doctrine nestorienne. Hiba évêque d'Edesse et professeur de l'école était partisan des diophysites, ainsi que ses élèves le perse Barsauma, ensuite évêque de Nisibie, et Narsai docteur et interprète à l'école d'Edesse, qui dû la quitter et continuer sa tâche à Nisibie. Par parole vive et homélies écrites Narsai assurait le nestorianisme. Sous la direction d'Abraham, son parent et successeur à l'école, le nombre d'élèves augmenta considérablement. Docteur et professeur Henana d'Adiabene était orthodoxe, en matière d'exégèse suivait Jean Chrisostome, non Théodore, et propagait des idées origénistes. Ses écrits ont été prohibés par le patriarche nestorien Sabrišo.

Les académies chrétiennes d'Edesse et de Nisibie ont donné un nouveau aspect, une direction originale à l'éducation au Proche Orient.
